

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

"ПОВЕСТЬ О ГУСЮ-ЛАМЕ" В РУКОПИСЯХ
МОНГОЛЬСКОГО ФОНДА ЛО ИВ АН СССР
Часть I

На протяжении всей истории существования Азиатского Музея (с 1930 г. Института востоковедения АН СССР) работа по изучению и публикации памятников письменной монгольской литературы, начало которой было положено 150 лет назад изданием Я.И.Шмидтом летописи Саган-Сэцэна,¹ всегда оставалась одним из важнейших направлений научного творчества монголоведов. Результатом этой работы явилось введение в научный обиход целого ряда ценнейших письменных источников, не встречающихся в европейских и иных, расположенных за пределами Советского Союза и МНР, собраниях монгольских рукописей и ксилографов.² Работа по выявлению и изданию редких образцов письменной словесности монгольских народов продолжается в стенах ЛО ИВ и в настоящее время.³ Это сообщение также посвящено одному из произведений монгольской письменной литературы, практически неизвестному специалистам-монголоведам.

"Повесть о Гусю-ламе" - сравнительно небольшое по объему сочинение, распространявшееся под самыми разнообразными заглавиями исключительно в рукописном виде - представлено в монгольском фонде Института девятью рукописями: (С 236) - Qutuγ-tu Gūsū blam-a-yin qamuy amitan-i tamu-ača tonilyaysan orosiba; (С 391) - Töbödi -yин хутуqtu Gūsū blama nirvān boluqsani touji orsibo (Хутуqtu Gūsū blamayin Erligiyin zakā); (F 80) - Qutuγ-tu Gūse <Gusi> blam-a-yin qamuy amitan-i tamu-ača tonilyaysan šistar orošiba; (Q 262) - Tanggad-un qutuγ-tu Gūsū blam-a-yin nirvan boluysan dūsi(!) [=tuji]; (Q 367) - Qutuγ-tu yeke Gūsū blam-a-yin tuuji ene bui; (Q 681) - Qutuγ-tu Gūsū blam-a-yin šastar;(Q 2157)- Adistu boyda-yin lüngdün orsiba; (Q 693) - Qutuγ-tu Gūsū blam-a nertü sudur-a orošiyulabai; (Q 1969) - Qutuγ-tu Gūsū blam-a-yin šidig mör-ün tuuji sudur orošibai.

Первое упоминание о существовании этой повести можно найти в "Списке материалам Ц.Жамцаранова и Б.Барадийна",⁴ где учтена одна из перечисленных выше рукописей, вошедшая в состав второй коллекции Ц.Жамцарано в монгольский фонд Института под шифром F 80. В переводе заглавия рукописи, помещенном в "Списке", имя героя сочинения передано в форме "Тоуши". Однако это несомненная ошибка, поскольку и в рукописи, и в заглавии на старомонгольской графике,

приведенном в "Списке", это имя вполне определенно можно прочесть как "Гусэ". Правда, и вариант "Гуши" имеется на обложке рукописи F 80,⁵ но это уже одна из позднейших интерполяций, копии изобилует и весь текст рукописи, вписанная красными чернилами (весь первоначальный текст записан черными чернилами).

Такое искажение написания имени ламы послужило причиной последующих недоразумений. В немалой степени это объясняется тем, что судя по изданным к настоящему времени каталогам коллекций монгольских рукописей и ксилографов Европы, США, Японии, а также и МНР, "Повесть о Гусэ-ламе" не встречается ни в одной из них. Отсутствует она и в монгольском собрании Восточного факультета ЛГУ. Таким образом, единственным фондом, обладающим упомянутым сочинением является пока фонд ЛО ИВ. Потому-то, при необходимости упоминания или ссылки на это произведение, монголоведы вынуждены были опираться исключительно на сведения, содержащиеся в "Списке". Так, в частности, поступили и В.Хайссиг, передавший имя ламы в форме "Гуоши",⁶ и В.Ц.Найдаков, автор раздела "Зарождение бурятской литературы", в "Очерках истории культуры Бурятии", переделавший это имя в "Гонши".⁷ Причем, еще большим недоразумением, на наш взгляд, является то, что В.Ц.Найдаков поместил нашу повесть, в которой судя даже по цитированному им заглавию, содержится история "путешествия" в ад, среди описаний реальных путешествий, совершенных бурятскими ламами к святым местам Тибета и Индии в конце XVII-XIX вв.

Но, очевидно, искаженными являются не только форма "Гуши" и производные от нее "Гуоши", "Гуоши", "Гонши", а и форма "Гусэ", помещенная на обложке рукописи F 80. На это указывает то, что во всех остальных семи рукописях на старомонгольской графике, имеющих в рукописном отделе ЛО ИВ, да и в тексте самой рукописи F 80 имя ламы неизменно передается в написании, которое можно прочесть как "Гусю" или "Госю". Окончательную ясность вносит рукопись С 391, записанная на ойратском "ясном письме", в которой это имя однозначно читается как Гусю (на обложке - Гусю).

Ни одна из имеющихся в нашем распоряжении рукописей не содержит колофона. Поэтому невозможно с абсолютной точностью установить время и место появления этого произведения. И только на основе результатов палеографического и текстологического анализа возможно хотя бы приблизительно определить хронологические рамки и область первоначального распространения "Повести о Гусэ-ламе". Так, о рукописи F 80 в "Списке" сказано, что это "список со старинной бурятской рукописи, слог старинный; небрежного письма".⁸ Здесь, ви-

димо, необходимо уточнить понятие "старинная бурятская рукопись". Дело в том, что поскольку ранний период развития бурятской письменности приходится на вторую половину XVIII в., то в рамках бурятской письменной литературы определение "старинный" оказывается применимым к сравнительно недавним по времени происхождению письменным образцам. Причем, первоначально письменность у бурят использовалась главным образом в делопроизводстве и при составлении сборников степных законов.⁹ И только позднее, уже с конца XVIII-начала XIX вв. стало развиваться бурятское летописание и активно распространяться буддийские, преимущественно переводные, сочинения. Правда с 60-х годов прошлого столетия стали появляться и сочинения бурятских лам. Особенно многочисленны были работы, принадлежавшие перу Дылгырова и Данджинова, во множестве печатавшиеся ксилографическим способом в печатных мастерских бурятских дацанов.¹⁰ Однако эти сочинения едва ли можно причислить к подлинно художественной литературе, ибо содержат они весьма однообразные наиздания о пользе религии и необходимости исполнения нравственных заповедей буддизма. Среди литературных произведений, отпечатанных в Бурятии, находим в основном переводы индо-тибетских сказок и легенд, изданные прежде в Пекине и Монголии. Произведения же оригинальной словесности бурят не только не печатались в дацанах, но и в рукописном виде встречаются не часто. Объясняется это, несомненно, преимущественно устной традицией ее бытования.¹¹ Потому-то "Повесть о Гуси-ламе", являвшая собой, по словам составителя "Списка", "образчик чисто народно-религиозной литературы в начале распространения буддизма среди бурят",¹² представляет несомненный интерес для изучения истории письменной литературы бурят.

Необходимо, однако, прежде всего выяснить — действительно ли это "образчик" литературного творчества бурят. Ведь утверждение о его бурятском происхождении основано лишь на знакомстве с одной "старинной" рукописью, с которой и была выполнена копия, поступившая в Азиатский Музей. Нам не довелось ознакомиться с оригиналом и потому не можем судить о действительном времени его происхождения. Что же касается в данном случае определения "старинный", то выше мы уже отмечали реальное его значение для бурятской письменной литературы. Остальные известные нам рукописи повести на старомонгольской графике датируются XIX в., причем четыре из них — С 236, Q 262, Q 367 и Q 693 — написаны, судя по фактуре бумаги /на листах рукописи Q 693 имеется даже филигрань: "1825"/, чернилам и почерку, в первой половине XIX в. Следовательно, на ма-

термале имеющихся письменных источников на старомонгольской графике, временем появления записей повести можно назвать первую половину или даже первую четверть XIX в.

Но все же, вероятнее всего, что рукописные образцы "Повести о Гусь-ламе" появились значительно раньше и основание к такому предположению дает ойратская рукопись из собрания ЛО ИВ. Эта рукопись, которую следует датировать не позднее чем XVIII в., является старейшей по происхождению среди всех известных ныне списков. И хотя, основываясь на более раннем происхождении ойратской рукописи можно было бы предположить и об ойратском происхождении самой повести, но сличая текст рукописи С 391 с рукописями на старомонгольском письме, нетрудно заметить, что ойратская версия подверглась уже некоторой литературной обработке и является вторичной по отношению к монголографичной версии. Следовательно еще в XVIII в. существовали рукописи на уйгуро-монгольском письме, взятые за основу при переложении на западнотуркское "ясное письмо".

Рукописи повести, имеющиеся ныне в фонде ЛО ИВ, позволяют с большей долей вероятности судить и о районе преимущественного распространения (а возможно и появления) этого произведения письменной литературы монгольских народов, ибо в дополнение к двум рукописям, имеющимся в старой части фонда Института (С 236, F 80) добавилось еще шесть рукописей (шифр Q), выделенных при разборке тибетского фонда ЛО ИВ.¹³ Все указанные рукописи бурятского происхождения, о чем свидетельствует, например, орфография их, изобилующая существенными отклонениями от норм монгольского классического письменного языка. Такие перемены в орфографии наиболее типичны как раз для бурятских письменных материалов и вызваны стремлением бурятских переписчиков приблизить устаревшую классическую орфографию к нормам живой, разговорной речи. В результате, многие слова в рукописях "Повести о Гусь-ламе" изменены почти до неузнаваемости. Этим обстоятельством, кстати, и вызвано появление многочисленных интерполяций в рукописи F 80, дающих общепонятное, литературное написание, разъясняющее во многих случаях бурятские орфографические новации. Представляется маловероятным, чтобы бурятские переписчики сумели до такой степени переработать текст, записанный прежде монгольскими литераторами. Таким образом, мнение составителя "Списка" о бурятском происхождении повести подтверждается вполне.

В меньшей мере на это указывает и наличие значительного влияния народных представлений о загробном существовании на эска-

гологическую картину, помещенную в повести. Но этот аспект будет специально рассмотрен уже во второй части статьи.

1. I.J.Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St.-Pbg., 1829.
2. См. напр.: Б.Я.Владимирцов, Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra. Пг., 1921; "Шара туджи" - Монгольская летопись ХУП. Сводный текст, перевод, введение и примечания Н.П.Шастиной, М.-Л., 1957; Гомбоджаб, Ганга-Йин урусхал. (История золотого рода владыки Чингиса. - Сочинение под названием "Течение Ганга"). Издание текста, введение и указатель Л.С.Пучковского, М., 1966; Ц.Дамдинсурэн, "Рамайна" в Монголии, М., 1979.
3. К изданию подготовлена монография "Повесть о Чойджи-дагине". Издание текста, транслитерация, перевод и исследование А.Г.Сазыкина.
4. Список материалам Ц.Жамцаранова и Б.Барадийна. 1903-1904. - "Известия императорской Академии Наук. 1905. Март. Т.ХХП, № 3, с.67.
5. В монгольском фонде ЛО ИВ имеется, правда, и рукопись, озаглавленная как "Güüsi neritü bayši-yin tuuji orosiba" - (С 207). Но под этим заглавием находится другое произведение более известное как "Повесть о мальчике на черном неоседланном быке" (Jayidan qar-a er-e üker-tü köbegün-ü tuyuji).
6. W.Heissig, Geschichte der Mongolischen Literatur. В.И. Wiesbaden, 1972, с.99.
7. Очерки истории культуры Бурятии. Т.1. Улан-Удэ, 1972, с.391.
8. Список, с.67.
9. Очерки, с.373; Д.Д.Доржиев, Ранние памятники бурятской письменности. - В сб.: "Материалы по истории и филологии Центральной Азии". Вып.4. (Труды Бурятского Института общественных Наук. Вып.12. Серия востоковедения). Улан-Удэ, 1970, с.107-112.
10. Б.Я.Владимирцов, Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от профессора А.Д.Руднева. Пг., 1918, с.1559-1561.
11. А.Б.Соктоев, Становление художественной литературы Бурятии до-октябрьского периода. Улан-Удэ, 1976.
12. Список, с.67.
13. А.Г.Сазыкин, К характеристике собрания монгольских рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (шифр Q). - III и ПИКНВ, XV. М., 1980.